

ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ TRYING TIMES

А. В. БАРТОШЕВИЧ

Российский институт
театрального искусства – ГИТИС,
Москва, Россия

ALEXEY BARTOSHEVICH

Russian Institute
of Theatre Arts (GITIS),
Moscow, Russia

ГОД ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ДЕВЯТЫЙ. ПОМНИТЬ

АННОТАЦИЯ

В мае 2020 года Учебный театр ГИТИСа выпустил онлайн-спектакль «Космополиты» по пьесе Елены Исаевой и Ольги Михайловой «Никогда – никому – ни о чем», основанной на материалах «дела космополитов». Эти события 70-летней давности стали одной из драматичных страниц в истории культуры страны. Гитисовский сюжет оказался одной из кульминаций заказанной Сталиным и четко выстроенной Александром Фадеевым и Константином Симоновым идеологической кампании. В статье восстанавливается ход событий рокового для отечественного театроведения 1949 г., анализируются архивные материалы ГИТИСа, публикации центральных органов советской печати, посвященные разгрому «безродных космополитов». В их числе оказались крупнейшие теоретики театра – главный мольерист страны, автор курса по истории зарубежного театра, выдающийся театральный критик, руководитель знаменитого семинара, из которого вышла целая плеяда талантливых театроведов, Г. Н. Бояджиев; крупнейший историк театра, один из главных создателей прославленной ленинградской школы театроведения С. С. Мокульский, лишившийся

NINETEEN FORTY-NINE. REMEMBER

ABSTRACT

In May 2020 the GITIS Student Theatre released an online performance “The Cosmopolitans” based on the play by Elena Isaeva and Olga Mikhailova “Never – no one – nothing”. It deals with the documents of the “cosmopolitans’ cases”. These events took place 70 years ago and have become one of the most dramatic pages in the history of the Russian culture. The GITIS performance turned out to be one of the climaxes of Stalin’s ideological campaign, which was managed by Alexander Fadeev and Konstantin Simonov. The article reconstructs the events of 1949 that became fatal for the Russian theatre studies. The GITIS archival materials are analyzed along with the articles that were published in the Soviet press authorities and were dedicated to the defeat of the “rootless cosmopolitans”. The greatest theatre theorists were among them – G. N. Boyadzhiev, the main Russian Molière scholar, the author of a course on the history of foreign theatre, the outstanding theatre critic, the head of the famous seminar, which brought up the pleiad of talented theatre scholars; S. S. Mokulsky, the greatest theatre historian, one of the founders of the renowned “Leningrad school of theatre studies”, who lost his

в результате кампании директорской должности; один из лучших критиков страны Юзеф Юзовский (И. И. Юзовский); автор работ по истории культуры европейского Возрождения А. К. Дживелегов и многие другие. Сокрушительный удар был нанесен по книгам Василия Григорьевича Сахновского, крупного режиссера, педагога, заведующего кафедрой режиссуры ГИТИСа, к тому времени уже покойного. История его посмертной травли стала своего рода «прологом» к кампании по борьбе с космополитизмом в масштабах страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ГИТИС, сталинизм, борьба с космополитизмом в СССР, Бояджиев, Мокульский, Юзовский, Дживелегов.

Недавно на нашем гитисовском сайте курс Леонида Хейфеца показал онлайн документальное представление [1] по материалам печально знаменитого «дела космополитов», которое стало, вероятно, самым страшным моментом в многолетней истории ГИТИСа.

Я сказал – «печально знаменитого» и, пожалуй, ошибся. Кто теперь об этом у нас помнит, кроме крошечной и все уменьшающейся компании гитисовских стариков. Но забывать о прошлом или, вернее, не желать знать о нем, опасно для настоящего. Поэтому нужно поблагодарить тех, у кого родилась идея создать этот спектакль, и тех, кто его создал. Не буду сочинять рецензию, скажу только, что жанр, в котором решена эта крайне болезненная история, избран, как мне кажется, очень верно. Это своего рода документальное кабаре, излагающее исторический сюжет с точки зрения сегодняшних молодых людей, принадлежащих к поколению, для которого

rector's position as a result of that campaign; one of the country's best critics, Yuzef Yuzovsky (I. I. Yuzovsky); A. K. Dzhivelegov, the author of works on the history of the European Renaissance culture, and many others. The books of Vasily Grigorievich Sakhnovsky suffered from a crushing blow. He was already deceased by that time, but still was considered a great director, a teacher, a head of the GITIS directing department. The story of his posthumous persecution has become a certain "prologue" to the cosmopolitanism struggle campaign nationwide.

KEYWORDS: GITIS, Stalinism, the fight against cosmopolitanism in the USSR, Boyadzhiev, Mokulsky, Yuzovsky, Dzhivelegov.

At the GITIS official website Leonid Kheifets' course has recently showed an online documentary performance [1] based on the infamous «cosmopolitans' case», which was probably the most terrible episode in GITIS long history.

I named it an «infamous case» and, perhaps, made a mistake. Hardly anyone can now remember this, except for the tiny and diminishing group of GITIS old-timers. But forgetting the past, or rather, not wanting to know about it, is the most dangerous thing for the present. Therefore, we must thank those who came up with the idea to create this performance, and those who made it possible. I will not write a review, I will only say that the genre, in which this extremely painful story is told, seems to me the best one. It is a kind of documentary cabaret, presenting a historical plot from the point of view of today's young people. They belong to a generation for whom the ugly grotesques

уродливые гротески сталинского прошлого – предмет для недоуменной, иронической и только временами сострадательной насмешки. Этот несколько отчужденный взгляд издали, извне событий, о которых идет речь, быть может, естественен для тех, кто сегодня смотрит на страну 1949 года и на тогдашний ГИТИС, который не мог не быть частью этой страны.

Я пришел в ГИТИС, когда в разгаре была оттепель, уже год, как миновал XX съезд с речью Хрущева о «культе личности», шла волна политических реабилитаций, дозволили говорить о 37-м годе и Мейерхольде – правда, пока еще вполголоса. В ГИТИСе, окруженные студенческими восторгами, преподавали Мокульский, Алперс, Бояджиев – те, кто всего восемь лет назад были жертвами сталинско-ждановской кампании, кто был заклеен кличкой «безродных космополитов», перед кем были закрыты двери издательств и журналов, над кем висела угроза изгнания с работы, а может быть, и ареста. Теперь обвинения с них сняли, хотя сомневаюсь, принесли ли им извинения за муки, одним сломавшие жизнь, другим – укоротившие ее. Многих составивших цвет гитисовской профессуры легендарных военных и первых послевоенных лет я не застал в живых. Ушел в иной мир блистательный Дживелегов, умер лучший художественный критик России Абрам Эфрос. Кто знает, скольких лет жизни им стоила развязанная против них травля! Мой учитель Бояджиев теперь, казалось бы, прочно вошел в сферу официального

of the Stalinist past are the subject of bewildered, ironic and sometimes compassionate mockery. This somewhat alienated view from afar, from outside the events shown, perhaps, is the only possible way for those who look back at 1949 from today – both at the country and GITIS, which could not help but be the part of this country.

I entered GITIS when the thaw was at its height, a year has already passed since the 20th Congress when Khrushchev's spoke on the "cult of personality". There was a wave of political rehabilitations, people were allowed to talk about the 1937th year and Meyerhold – but still not loud. In GITIS Mokulsky, Alpers, Boyadzhiev taught their students and were surrounded with their excitement. Only eight years ago they became the victims of the Stalin-Zhdanov campaign and were named "rootless cosmopolitans". They were not welcomed in the publishing houses and journals. The threat of being fired from work hung over them along with the arrest opportunity. Now all the charges have been taken from them, although I doubt whether they were apologized for the torment that broke some lives and shortened others. I did not see them alive, many GITIS professors, brightest and legendary, working there in the military and the first post-war years. The brilliant Dzhivelegov passed away, the best Russian art critic Abram Efros died. Who knows how many years of their lives they paid for the persecution. My teacher Boyadzhiev now seems to have firmly entered the sphere of official recognition.

признания, стал профессором, защитил докторскую [2], выпускал книгу за книгой, много путешествовал по свету. Он старался не вспоминать о том, каково ему было существовать под клеймом низкопоклонника перед буржуазным Западом, эстета и формалиста, посягнувшего на святыню русского реалистического театра. Он погрузился в академические занятия, стал главным модельером страны [3], писал о Лопе и Шекспире [4; 5]. Бояджиев обладал редкостным даром описания спектаклей, даром столь ярким, что читателям его книг и статей всегда казалось, что они видели описанное собственными глазами – даже когда речь шла о далекой старине. В своих историко-театральных трудах он оставался тем, кем был призван быть – театральным критиком. Этим искусством он владел как никто иной и как никто иной умел этому искусству учить молодых. Но знаменитый семинар, из которого вышла плеяда блестящих профессионалов критического пера, был в 1949 г. у него отнят и больше никогда к нему не вернулся. И это лишь малая часть того, чего Бояджиев лишился. В сущности, от пережитых им ударов он до конца жизни так и не смог оправиться. Душевная рана не затянулась. «Незабываемый 49-й» переломил его жизнь пополам. И это при всех его званиях и лаврах, всевозможных жизненных благах, в изобилии приготовленных ему на склоне лет. Но трещина в сердце осталась незалеченной. Бояджиев долго болел и умер в возрасте, который теперь не считается старостью. Когда он умирал, в больницу принесли

He became a professor, defended his doctoral thesis [2], published book after book, travelled a lot around the world. He tried not to remember what it was like for him to exist under the stigma of a low-worshiper of the bourgeois West, an esthete and formalist who encroached on the sanctuary of the Russian realistic theatre. He immersed himself in academic studies, became the country's main Moliere scholar [3], wrote about Lope de Vega and Shakespeare [4, 5]. He had a rare gift for describing performances. So bright it was that the readers of his books and articles always thought that they had seen what he described there with their own eyes – even when it all took place in distant antiquity. In his works on history and theatre, he remained a theatre critic, which was his vocation. He mastered this art like no one else, and like no other, he knew how to teach this art to the young. However, his famous seminar that brought up numerous brilliant professionals of critical writing was taken from him in 1949 and was never returned back. That was only a small part of what he lost. In fact, from the blows he had endured, he could not recover until the end of his life. The wound couldn't be cured. "Unforgettable 49th" broke his life in half. With all his titles and laurels, all kinds of life benefits, in abundance prepared for him in his declining years the crack in the heart remained unhealed. He was ill for a long time and died at an age that is not considered old one. When he was dying in the hospital, he saw the first copy of his book, which turned out to be the last [6]. He could do much more beautiful things.

первый экземпляр его книги, оказавшейся последней [6]. Он много еще мог сделать прекрасного.

Однажды он нарушил свое правило не возвращаться памятью к тем жутким годам и вынес из недр своего кабинета когда-то подаренную ему книгу Юзовского. На титульном листе была надпись: «Товарищу по ножу». Показывая мне это грустно-ироническое посвящение, профессор, он же член разбойничьей шайки космополитов, улыбался. Но улыбка его была невеселой.

Другому их «товарищу по ножу», крупнейшему историку театра Стефану Стефановичу Мокульскому тоже пришлось в 1949 г. пройти через то, что Шекспир назвал «колесованием огнем». Его с грохотом сняли с поста директора ГИТИСа, обвинив в потворстве тем, кто создал в институте тайное гнездо космополитов, уводивших студенческую молодежь с марксистско-ленинского пути. Мокульский, ученик и сподвижник А. А. Гвоздева, один из главных создателей прославленной ленинградской школы театроведения, теперь был объявлен формалистом и антипатриотом, приучавшим учеников к пресмыкательству перед Западом. Он пытался любой ценой спастись от постигших его бед. На свое несчастье, он был членом партии. То, что еще с грехом пополам могли иногда простить беспартийным – ну, что с них, дескать, возьмешь – для него неминуемо должно было обернуться исключением из партии, что означало не только потерю работы, но крушение всей биографии педагога и ученого. Его неминуемо ждала бы жизнь

Once he broke his rule not to remind these terrible years and took from the depths of his office the book of Yuzovsky, once presented to him. There was the inscription on the title page: “To a friend in the knife.” Showing me this sad and ironic dedication, the professor smiled. He was also a member of the cosmopolitans’ bandit group. However, his smile was not cheerful.

In 1949 the greatest theatre historian Stefan Stefanovich Mokulsky (one more “friend in the knife”), also had to go through the “wheel of fire” as Shakespeare called it. He was GITIS director at that times and was fired from his position, which became a big case. He was accused of conniving those who organized a secret nest of cosmopolitans at the institute, who led student youth away from the Marx-Lenin path. Mokulsky (student and associate of A. A. Gvozdev, one of the founders of the renowned “Leningrad school of theatre studies”) was now declared a formalist and anti-patriot who taught his students to grovel to the West. He tried at all costs to escape the troubles that dropped upon him. Unfortunately, he was a Party member. It can be half forgiven to a non-party member – well, what can we do with them. However, for him this case unevitably turned into an expulsion from the Party, which meant not only the job loss, but the ruining of the entire biography of the teacher and scholar. The life of an outcast was in front of him, humiliating poverty and, most important, weaning

изгоя, унижительная нищета и главное – отлучение от всего, что составляло смысл его жизни – от науки и педагогики.

Хорошо известно, что часто приходилось делать жертвам сталинских политических кампаний: они начинали каяться, признавать идеологические ошибки, а некоторые из них, чтобы спасти себя, – обрушиваться с обвинениями на товарищей по несчастью. Мокульский стал страстно признаваться в административных упущениях и идеологических грехах. В числе прочего он предал проклятью и выбросил из учебных программ свой знаменитый курс лекций по театроведческой методологии (потом его тайно перепечатали на машинке и сохранили сотрудники гитисовской библиотеки, выдавая из-под полы тем студентам, которым доверяли. Думаю, Мокульский об этом знал). Громкие самообвинения в конце концов возымели действие. Гитисовская парторганизация исключила его из ВКП(б), но он сумел найти путь в более высокие партийные сферы и отделался строгим выговором, что было своего рода спасением. Его оставили преподавать в ГИТИСе, а через несколько лет, после смерти А. К. Дживелегова, позволили стать заведующим кафедрой, которым он и остался до конца жизни, не столь уж далекого.

Гитисовская история оказалась одной из кульминаций заказанной Сталиным и безукоризненно выстроенной Александром Фадеевым и Константином Симоновым кампании. Властям нужно было немедленно положить конец чему-то вроде оттепели, наступившей накануне победы

from everything that made the meaning of his life – theatre studies and pedagogy.

It is well known what the victims of Stalin's political campaigns often had to do: they began to repent, admit ideological mistakes, and some of them, in order to save themselves, accused their comrades in misfortune. Mokulsky began to confess passionately in administrative omissions and ideological sins. Among other things, he cursed and scratched off the institute's curriculum his famous course of lectures on theatre studies methodology (Then it was secretly typed and saved by the staff of the GITIS library. They gave it out from under the table to those students whom they trusted. I think Mokulsky knew about this). Loud self-accusations eventually had an effect. The GITIS Party organization expelled him from the All-Union Communist Party of Bolsheviks, but he managed to find a way to the higher Party spheres and got off with a severe reprimand, which was a kind of salvation. He received an opportunity to teach at GITIS, and a few years later, after the death of A. K. Dzhivelegov, he was allowed to become the head of the department, which he remained until his life's end which was not so distant.

The GITIS story turned out to be one of the culminations of the campaign ordered by Stalin and perfectly managed by Alexander Fadeev and Konstantin Simonov. The authorities needed to end up with something like the thaw that came on the eve of victory and immediately after the war.

и сразу после войны, той эйфории внезапной свободы, которую многие приняли всерьез: теперь, полагают они, с политической изоляцией покончено, мы вместе с европейцами и американцами истребили гидру фашизма и можем наконец ощутить себя частью большого мира. По Москве толпами бродили офицеры союзных войск, московские дамы были от них без ума, и, главное, им этого как будто не запрещали. В театрах шли пьесы Пристли и Артура Миллера. Во МХАТе (правда, в филиале) с бешеным успехом шел «Идеальный муж» Уайльда. В киосках торговали газетой «Британский союзник» и роскошно иллюстрированным журналом «Америка». Война еще не кончилась, а в Армении с участием Британского совета устроили Шекспировский фестиваль. Всему этому гуманитарному карнавалу решено было сказать «стоп», одернуть зарпортованную интеллигенцию, напомнив ей, в какой стране она живет. Что и было немедленно сделано. Краткой и художественной оттепели пришел финал. В августе 1946 года вышло Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором чудовищному разгрому подверглись произведения А. Ахматовой и М. Зощенко [7, с. 587–591]. Но это было лишь началом. Продолжением стала кампания «борьбы против космополитизма», превратившаяся в грандиозную травлю интеллигенции, пытавшейся исповедовать веру в ценности мировой культуры и обвиненной в покушении на традиции национальной культуры в их сталинском понимании.

Many people took seriously the euphoria of sudden freedom, they believed that the political isolation was over, they were together with the Europeans and the Americans, they destroyed the hydra of fascism and can finally become a part of the larger world. The officers of the Allied forces wandered around Moscow and local ladies were crazy about them and, what was most important, they did not seem to be forbidden doing it. Priestley's and Arthur Miller's plays were staged in theatres. The Moscow Art Theatre (well only its branch) performed Oscar Wilde's "An Ideal Husband" with a vivid success. The kiosks sold the British Ally newspaper and the splendidly illustrated America magazine. The war was not over yet, and the Shakespeare Festival was organized in Armenia with the participation of the British Council. It was decided to say "stop" to all this humanitarian carnival, to return the intelligentsia back to the ground, reminding them which country they live in. It was all done immediately. A short and skinny thaw ended. In August 1946, the Decree on the magazines "Zvezda" and "Leningrad" was issued. The works of A. Akhmatova and M. Zoshchenko were subjected to horrible destruction [7, 587–591]. However, that was just the beginning. Then followed "the struggle against cosmopolitanism" campaign, which turned into an epic persecution of the intelligentsia, who tried to profess faith in the values of world culture and was accused of attacking the traditions of national culture as Stalin consider it.

«Безродным космополитам и злокозненным антипатриотам» в науке и искусстве была объявлена беспощадная война, жертвами которой стали талантливейшие ученые, врачи, писатели и композиторы. Драматургам и театрам всей страны было приказано создать репертуар пьес и спектаклей, посвященных разоблачению презренных «низкопоклонников», по наущению иностранных разведок покушающихся подорвать основы советской жизни.

По произведениям верноподданных драматургов-патриотов начал кочевать один сюжет: честный, но заблуждающийся советский ученый, попавший под влияние подосланных к нему «низкопоклонников», доверчиво делится своим открытием с западными коллегами, полагая, что наука и ее плоды принадлежат всему человечеству – страшная, как выясняется в итоге, ошибка, стоящая на грани измены. Но вставшего на губительный путь ученого вовремя спасают наши доблестные органы. Шпионы и злопыхатели посрамлены и разоблачены. Раскаявшийся ученый великодушно прощен и возвращается к служению патриотической науке.

В моей полудетской памяти (мне тогда было лет девять-десять) сохранились мхатовские постановки двух самых идеологически надежных пьес, еще до премьеры обреченных получить Сталинские премии.

Одна из пьес этого круга принадлежала перу Константина Симонова и носила красноречивое название «Чужая тень» [8]. Большие куски из аудиозаписи «Чужой тени», поставленной в ленинградском БДТ,

A merciless war was declared in science and art to “rootless cosmopolitans and insidious anti-patriots”. The talented scientists, doctors, writers and composers became the victims of this war. Playwrights and theatres throughout the country were ordered to create a repertoire of plays and performances dedicated to exposing the contemptible “low worshipers”. As it was said at the instigation of foreign spies they attempted to undermine the foundations of Soviet life.

In the works of loyal patriotic playwrights the only possible plot repeated: an honest but deluded Soviet scientist who was influenced by “low worshipers” trustingly shares his discovery with his Western colleagues. He believes that the science and its results belong to all mankind. It turns out to be his terrible mistake in the end, on the verge of treason. However, the scientist who chose a destructive path is saved in time by our valiant authorities. Spies and spiteful critics are shamed and exposed. The repentant scholar is generously forgiven and returns to the serve the patriotic science.

My half-childish memory (I was about nine or ten years old) still keep two Moscow Art Theatre performances of most ideologically reliable plays that were doomed to receive Stalin prizes even before the premiere.

One of the plays of this kind was written by Konstantin Simonov and had the eloquent title “Alien Shadow” [8]. Large pieces from the audio recording of that play, staged at the Leningrad Bolshoi Drama

включены в гитисовский спектакль. Я видел ее на сцене МХАТа с величественным Борисом Ливановым в главной роли. Хорошо помню финал. Когда герой пьесы, большой ученый, понимал свою вину и получал весть о прощении – понятно, что она спускалась с самых верхов, сцена внезапно погружалась в полутьму, а все персонажи одновременно обращались туда, где на стене возникал светящийся портрет человека с трубкой. Лица благоговейно замерших людей озарялись нездешним сиянием. Занавес.

И еще одно воспоминание. «Илья Головин» Сергея Михалкова [9] в том же МХАТе. История знаменитого композитора, народного любимца, автора песен, с которыми советские солдаты шли в бой. Теперь же он, великий и наивный, попадает под влияние злонамеренного музыкального критика (национальность критика не вызывает сомнений), космополита, врага советской музыки и едва ли не шпиона. Соблазненный этим злодеем Головин сочиняет симфонию в западном духе, то есть нечто сугубо формалистическое. Отчетливо помню кульминационную сцену. Уютная и просторная квартира композитора. Плотные закрытые тяжелые шторы, дорогой (трофейный) приемник на письменном столе, у которого одиноко сидит погруженный в мрачные думы композитор (его прежние друзья, отчаявшись вернуть его в лоно советского реалистического искусства, покинули его). Композитор (эту роль играл выдающийся мхатовец В. Топорков) включает приемник

Theatre, are included in the GITIS performance. I saw it at the Moscow Art Theatre stage with the majestic Boris Livanov in the main role. I remember the ending well. When the hero of the play, a great scientist, understood his guilt and received the news of forgiveness – it is clear that it was sent from the very top authorities – the stage suddenly merged into semi-darkness, and all the characters simultaneously turned to see a luminous portrait of a man with a pipe that appeared on the wall. The faces of the reverently frozen people were lit up with an unearthly glow. The curtain.

And one more memory. “Ilya Golovin” by Sergey Mikhalkov [9] at the same Moscow Art Theatre. The story of the famous composer, people’s favorite, songwriter whose songs the Soviet soldiers sing attacking the enemy. Nowadays the great and naive, he is influenced by the malicious music critic (the critic’s nationality is beyond any doubt), a cosmopolitan, an enemy of Soviet music and almost a spy. Tempted by this villain, Golovin composes a symphony in the Western kind, that is something purely formalistic. I distinctly remember the climax scene. Cozy and spacious apartment of the composer. Tightly closed heavy curtains, an expensive (trophy) receiver on the writing table. The composer sits alone, immersed in his gloomy thoughts (his former friends left him, desperate to return him to the Soviet realistic art). The composer (this role was played by the outstanding Moscow Art Theatre artist V. Toporkov) turns on the receiver and suddenly hears his new symphony, which is broadcasted by a Western

и вдруг слышит свою новую симфонию, которую передает западная радиостанция («передаем запрещенное в СССР сочинение великого русского композитора»). И тут у него открываются глаза. Приходит мгновенное озарение. Раз его музыку исполняют враги, значит, он совершил преступную ошибку и впал в неизбывную вину перед советским народом и социалистическим искусством. Критик-космополит изгнан из дома (нам намекают, что он разоблачен и арестован), друзья-патриоты теперь снова рядом. Композитор возвращается к реалистическому творчеству для народных масс. В финале шторы распахнуты, легкие занавески волнует свежий ветер, а марширующие под окнами солдаты бодро поют его песню. Занавес.

Эти и подобные им пьесы (зрители не очень рвались их увидеть) были до небес превознесены в прессе и на писательских совещаниях, где клеймили тяготение театров к западному репертуару, а заодно брали недостаточно идейные пьесы отечественных авторов, делавшие хорошие сборы. Так, всяческим поношениям подвергли популярную и во всех отношениях невинную комедию А. Галича «Вас вызывает Таймыр» [10]. Вина Галича состояла только в том, что он написал веселую комедию в том самом духе, который нужен был послевоенной публике. Будущий диссидент мгновенно прославился и разбогател, в чем, конечно, не было никакого греха.

От разгрома «неправильных» драматургов перешли к театральной критике. Как оказалось, она, и никто другой, была виновата в том,

radio station (“we are broadcasting a work of the great Russian composer banned in the USSR”). And then he opens his eyes. An sudden insight. Since his music is performed by the enemies, it means that he made a crucial mistake and is inescapably guilty before the Soviet people and socialist art. The cosmopolitan critic is expelled from homeland (we are hinted that he is exposed and arrested), his patriotic friends return back. The composer returns to realistic art for the masses. In the end the curtains are open, light curtains are blown by a fresh wind, and the soldiers march under the windows cheerfully singing his song. The curtain.

These and other plays (the audience was not very eager to see them) were praised to the skies in the press and at writers’ meetings, where they labeled the theatres’ inclination towards the Western repertoire and at the same time scolded insufficiently ideological plays by Soviet authors that were popular with the audience. Thus the popular and in all respects innocent comedy by A. Galich “Taimyr is calling you” was subjected to all sorts of reproaches [10]. Galich’s fault was the following: he wrote a funny comedy in the very spirit that the post-war public needed. The future dissident instantly became famous and rich, which is not a sin actually.

From the struggle with the “wrong” playwrights, they switched on to the theatre criticism. As it turned out, it was the only guilty in the fact that

что, вопреки указаниям партийных и прочих руководящих органов, театры позволяют себе играть идеологически сомнительные западные пьесы и мало ставят произведения Софронова, Сулова и прочих мастеров идейно правильной «секретарской» драматургии, ссылаясь на то, что на них не идет публика (аргумент, в глазах начальства совершенно несостоятельный).

В «Правде» за 28 января 1949 г. появилась убийственно грозная статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» [11], где лучшие критики страны подверглись безжалостной экзекуции. В статье были прямо названы имена злодеев, врагов народа, осквернителей лучших традиций русской национальной культуры, поклонников и пресмыкателей перед проклятой границей: Ю. Юзовский, А. Гурвич, А. Борщаговский, Е. Холодов, Я. Варшавский. Имена преимущественно еврейские (это была составная часть политики государственного антисемитизма), но не только – между еврейскими «товарищами по ножу» оказались армянин Бояджиев и русский Малюгин. Фамилии врагов советской культуры принялись писать с маленькой буквы и в множественном числе: юзовские, гурвичи, бояджиевы.

Любопытствующему читателю может быть интересно полистать один за другим номера газеты «Советское искусство» за первое полугодие 1949 г. Кампания разрасталась, ее территория расползлась, охватывая все новые города и республики. Везде находились свои местные космополиты – писатели,

the theatres were breaking the Party and other authorities' instructions. The theatres allow themselves to stage ideologically dubious Western plays and pay less attention to the works by Sofronov, Surov and other masters of ideologically correct "secretarial" drama, citing the fact that the public does not choose them (for the authorities it was a completely irrelevant argument).

On January 28, 1949, Pravda newspaper published a deadly fearsome article "On one antipatriotic group of theatre critics" [11], where the country's best critics were subjected to ruthless execution. The article directly stated the names of villains, people's enemies, violators of the best traditions of Russian national culture, admirers and grovelers of the accursed abroad: Y. Yuzovsky, A. Gurvich, A. Borschagovsky, E. Kholodov, J. Varshavsky. The names were predominantly Jewish (it was an integral part of the state's anti-Semitism policy). However, not only Jewish – the Armenian critic Boyadzhiev and the Russian one Malugin were between the Jewish "friends in the knife". The names of the Soviet culture enemies were in that times written with a small letter and in the plural: Yuzovskiys, Gurviches, Boyadzhieves.

The curious reader may find it interesting to look through several serial issues of the "Soviet Art" newspaper of the first half of 1949. The campaign grew, its territory was spreading, catching new cities and republics. Everywhere there were local cosmopolitans – writers, philologists, art historians, musicologists,

филологи, историки живописи, музыковеды, композиторы. Опубликованные газетой списки жертв, перечни фамилий, преимущественно еврейских, росли и росли, словно по законам ядерной реакции.

И все же в центре кампании оставался театр и театральная критика. В начале рокового 1949 г. в свет вышли два номера журнала «Театр», специально посвященные «космополитам»¹. Передовая статья первого номера [12] с чудовищной площадной бранью обрушивалась на всю преступную группу разом. Теперь этот по-своему даже красочный

стиль злобной ругани способен только позабыть, если бы речь не шла о человеческих судьбах. Приведу лишь одну цитату, теперь собственную любого ввергнуть в шок или пароксизм смеха:

«Дживелегов и Бояджиев занимались разнузданной пропагандой итальянской комедии дель арте» (несчастливые Арлекины и Бригеллы, которых гнусные космополиты сделали орудием антипатриотической пропаганды, да еще и «разнуз-

composers. The lists of victims published by the newspaper, lists of surnames, mostly Jewish, grew constantly, as if following the laws of a nuclear reaction.

Yet the theatre and theatre criticism remained the central part of the campaign. At the beginning of the fateful 1949, two issues of the Theatre magazine were published, specially dedicated to the “cosmopolitans”¹.

The leading article of the first issue [12], with heinous public abuse rushed upon the entire criminal group at once. Now this vicious critic can only amuse with its bright style, if it were not dealing with the human destinies. I will cite just one quote that now can shock

anyone or lead to a paroxysm of laughter: “Dzhivelegov and Boyadzhiev were engaged in unbridled propaganda of the Italian comedy del arte” (the vile cosmopolitans made poor Harlequin and Brighella an instrument of an unbridled antipatriotic propaganda). Further each of accused deserved a separate devastating article in the same illiterate style in the journal.

1 В первом номере журнала были опубликованы пять статей соответствующей тематики: «До конца разгромить и разоблачить группу антипатриотических театральных критиков» (передовая); Ю. Калашников «Злопахательство безродного космополита»; В. Залесский «Клевета идеологического диверсанта Юзовского»; В. Глаголев «Пропаганда буржуазного эстетства и формализма»; З. Володин «Выверты формалистско-эстетской критики» (рецензия на книгу «И. М. Москвин»). Во втором номере – передовая статья «Покончить со всеми проявлениями реакционно-буржуазной идеологии космополитизма»; Б. Ромашов «Расчистить дорогу передовой драматургии»; В. Млечин «Низкопоклонник и космополит Малугин»; Ю. Калашников «Следы вредных влияний».

1 There were five articles on that subject in the journal's first issue: “To defeat and expose the group of anti-patriotic theatre critics” (editorial); Y. Kalashnikov “Malice of a ruthless cosmopolitan”; V. Zalesky “Slander of the ideological saboteur Yuzovsky”; V. Glagolev “Propaganda of bourgeois aesthetics and formalism”; Z. Volodin “The twists of formalist-aesthetic criticism” (review of the book “I. M. Moskvin”). The second issue started with the editorial “To end up with all manifestations of the reactionary bourgeois ideology of cosmopolitanism”: B. Romashov “To give the way for the progressive drama”; V. Mlechin “The low-worshiper and cosmopolitan Malyugin”; Y. Kalashnikov “The traces of harmful influence”.

данной»). И дальше, дальше – каждому из подсудимых в журнале была посвящена отдельная разгромная статья в том же безграмотном стиле. Статья об одном из лучших критиков страны называлась особенно живописно: «Клевета идеологического диверсанта Юзовского» и начиналась так: «Когда от формалистического чучела Мейерхоolda отлетали последние лепестки, скрывавшие его идейное банкротство, Юзовский был последним трубадуром этого безродного космополита...» [13]. И прочее в том же духе. Оцените стилистический блеск этой тирады. Автором сочинения был Виктор Залесский, один из главных монстров казенной критики, два десятилетия спустя травивший Анатолия Эфроса. Кто сейчас помнит это имя? История наказала его заслуженным забвением. И, по-моему, напрасно. Имена гонителей забывать нельзя – так же, как имена гонимых.

Вслед за театром и театральной критикой обратились к театральному образованию.

Сокрушительный удар был нанесен по книгам Василия Григорьевича Сахновского, крупного режиссера, педагога, заведующего кафедрой режиссуры ГИТИСа. К тому времени он уже умер – может быть, к его счастью... Причиной его смерти была не только давняя сердечная болезнь, но и арест с последовавшей ссылкой, из которой его освободил Вл. И. Немирович-Данченко, чьим ассистентом на репетициях «Гамлета» был Сахновский. Когда в 1943 г. Немирович-Данченко скончался, Сахновский продолжал работу над Шекспиром. Затем весной 1945 г.

An article about one of the best critics of the country was named especially vividly: "Slander of the ideological saboteur Yuzovsky". It began as follows: "When the last petals flew off the formalistic effigy of Meyerhold, hiding his ideological bankruptcy, Yuzovsky was the last troubadour of this rootless cosmopolitan..." [13]. And so on in the same way. Please appreciate the stylistic brilliance of this tirade. Its author – Victor Zalessky, was one of the main monsters of government criticism, who hounded Anatoly Efros two decades later. Who remembers him now? History punished him with deserved oblivion. In my opinion, in vain. The names of the persecutors must not be forgotten, just like the names of the persecuted.

After theatre and theatre criticism, they addressed theatre education.

A crushing blow was dealt upon the books of Vasily Grigorievich Sakhnovsky, a great director, teacher, head of the directing department of GITIS. By that time he had already died – perhaps, fortunately... The cause of his death was not only a long-standing heart disease, but his arrest with subsequent exile, from which he was saved by V. I. Nemirovich-Danchenko. Sakhnovsky was his assistant at "Hamlet" rehearsals. When Nemirovich-Danchenko died in 1943, Sakhnovsky continued to work on Shakespeare. Then,

руководство МХАТ сообщило ему, что трагедия о принце датском, глубоко нелюбимая великим вождем, идти не будет и репетиции прекращаются... В тот же день Сахновского не стало. Неизвестно, смог ли бы он, тяжелый сердечник, пережить ауто-дафе, устроенное в 1949 г. над его книгами. Покойного автора учебника по режиссуре [14] обвиняли в гермафилии, идеализме, всевозможных идейных ошибках. История посмертной травли Сахновского, хронологически предшествовавшая кампании космополитов, по существу, стала прологом к ней.

После выхода январской статьи в «Правде» [11] кампания сделала следующий, почти неизбежный шаг. Обрушившись на театральные критиков, обратились туда, где их учили – к театроведческим факультетам ГИТИСа и ЛГИТМиКа. Как известно, это было время уникального расцвета гитисовской театроведческой школы. По ней-то и был нанесен чудовищной силы удар. Вышла статья о космополитическом засилье на театроведческих кафедрах [15]. После чего институт немедленно оказался в центре кампании, главной точкой приложения сил ее устроителей.

И началось. В переполненном актовом зале ГИТИСа (ныне аудитория 26) прошла серия собраний, на которых ораторы с пеной у рта клеймили злодеев, пытавшихся погубить молодые души, увести советских студентов с единственно верного пути, начертанного классиками марксизма, научить их преклонению

in the spring of 1945, the Moscow Art Theatre authorities informed him that the tragedy about the Danish prince, deeply unloved by the great leader, would not be shown and the rehearsals would be stopped... On the same day, Sakhnovsky passed away. Who knows whether he could have survived the auto-de-fe, arranged in 1949 over his books, with the poor condition of his heart. The late author of a directing textbook [14] was accused of Germany passion, idealism, all kinds of ideological mistakes. The story of the posthumous persecution of Sakhnovsky chronologically preceded the cosmopolitans campaign. But essentially it became its prologue.

After the January publication in Pravda [11], the campaign made the next, almost inevitable step. To attack theatre critics they chose a place where they studied – the theatre studies departments of GITIS and LGITMIK. As you know, this was the time of the unique flourishing of the GITIS theatre school. A hard blow was dealt right over there. An article was published about the cosmopolitan dominance in the theatre departments [15]. Then the institute immediately found itself in the center of the campaign, the main point of application of the forces of its heads.

This is how it started. In the overcrowded GITIS assembly hall (now room 26), a series of meetings took place. The speaker foaming at the mouth branded the villains who tried to destroy young souls, lead Soviet students away from the only true path outlined by the classics of Marxism, teach them

перед псевдоискусством растленного Запада, соблазнить лживыми теориями эстетов и формалистов. Вечно полупьяный драматург Анатолий Сувор, один из вождей антикосмополитической кампании, кричал с гитисовской сцены: «Мне противно ложить руки на эту кафедру». Поднимаясь на эту кафедру, ораторы – пришлые и свои, гитисовские, громили педагогов, составлявших славу института – Бояджиева, Мокульского, Алперса, Мalyюгина, Абрама Эфроса, Вс. Всеволодского-Гернгросса. . . Кто-то попутно обвинял невиннейшего Виталия Яковлевича Виленкина в намеренно ложном толковании искусства И. М. Москвина (в подтексте звучало: великий русский актер пал жертвой еврейского навета). Замахнулись даже на Павла Александровича Маркова, казалось бы, прочно защищенного священными стенами Художественного театра. Добрались было и до Дживелегова. В последний момент, к счастью, вспомнили, что перед революцией он, секретарь энциклопедии «Гранат», вел переписку с Лениным, которому заказал статью о Карле Марксе. Только это спасло старого профессора от общей участи. Обуянные страхом, гитисовские космополиты дружно признавались в несуществующих винах и умоляли простить их. Кто-то потом, спустя годы, с горькой иронией цитировал речь Мокульского: «Моя сто шестьдесят пятая ошибка. . .».

Один за другим на трибуну поднимались преподаватели, коллеги обвиняемых и публично от них отрекались. Любимые ученики топтали учителей. Одни – из страха,

to admire the pseudo-art of the corrupted West, seduce them with the false theories of aesthetes and formalists. The eternally half-drunk playwright Anatoly Surov, one of the leaders of the anti-cosmopolitan campaign, shouted from the GITIS stage: “I hate to lay my hands on this cathedra” putting wrong emphasizes. Climbing this cathedra, the speakers – both strangers and GITIS members, smashed their teachers who made the glory of the institute – Boyadzhiev, Mokulsky, Alpers, Malyugin, Abram Efros, Vs. Vsevolodsky-Gerngross. . . Someone incidentally accused the most innocent Vitaly Yakovlevich Vilenkin of deliberately misinterpreting the art of I. M. Moskvina (in the subtext it sounded: the great Russian actor fell victim to Jewish libel). They even swung at Pavel Alexandrovich Markov, who seemed to be firmly protected by the sacred walls of the Art Theatre. They reached Dzhivelegov, too. At the last moment, fortunately, they remembered that before the revolution he was the secretary of the Granat encyclopedia and wrote to Lenin, whom he had ordered an article about Karl Marx. Only this fact saved the old professor from the common fate. Filled with fear, GITIS cosmopolitans together confessed to non-existent guilts and begged to forgive them. Years later someone quoted Mokulsky’s speech with bitter irony: “My one hundred and sixty-fifth mistake. . .”

One by one, the colleagues of the accused ones came up to the stage and publicly retract them. Favorite students trampled on teachers. Some were afraid,

другие – из карьерных расчетов (позже вполне оправдавшихся).

Гитисовская аудитория хранила подавленное молчание. То же можно было сказать обо всей стране. Но нельзя, несправедливо было бы слишком сурово осуждать молчавших. Любая попытка выступить на защиту потерпевших ничего не смогла бы изменить, а выступивших ждала бы участь тех, кого они попытались защитить.

Теперь, в другие, хвала небесам, времена слишком легко, как это сделано в студенческом спектакле 2020 г., упрекать людей 1949 г. в трусости и задним числом недоумевать, почему они не сопротивлялись.

Для абсолютного большинства людей глухое безмолвование было тогда единственно возможным, пусть и нравственно небезупречным выходом, компромиссом, помогавшим выжить.

Самое грустное во всей этой истории то, что нашлось несколько студентов, кто, послушно исполняя волю начальства, выходил на трибуну и, пряча глаза, принимался топтать своих учителей. Не все делали это охотно, мало кому хотелось портить свою репутацию, обрекая себя на презрение соучеников. Но еще меньше им хотелось губить собственную дальнейшую жизнь. Некоторые сказывались больными, сумев добыть медицинские справки. Начальство прекрасно знало цену подлинности справок и преисполнялось черной злобы – ненавистью вертухаев к экам, уклонившимся от роли доносчиков.

Мне рассказывал Г. Н. Бояджиев, что накануне рокового дня к нему

others – having some career plans (later fully justified).

The GITIS auditorium was merged into the suppressed silence. The same could be said about the whole country. However, we can't condemn the silent ones too harshly, it would be unfair. Any attempt to defend the victims could not change anything, and the speakers would face the fate of those whom they would try to protect.

Now, in other times, God thanks, it is too easy to reproach the people of 1949 for cowardice and retroactively wonder why they did not resist. They do it in the student play in 2020

For the absolute majority of people, deaf silence was then the only possible way out, though morally faulty. It was a compromise that helped to survive.

The saddest detail in this story was the following: there were several students who came to the tribune and, hiding their eyes, began to trample on their teachers. They were obediently fulfilling the will of the authorities. Not everyone did it willingly, as trying not to ruin their reputation, dooming themselves to the contempt of fellow students. But less they wanted to ruin their future. Some turned to be sick and managed to get medical certificates. The authorities perfectly knew the authenticity of the certificates and were filled with black anger – the hatred of the guards for the prisoners who avoided the role of informers.

G. N. Boyadzhiev told me that on the eve of the fateful day one of his

домой, на Суворовский бульвар, пришла одна из самых умных и талантливых его учениц. Сказав, что ей приказано выступить против него, она спросила Бояджиева: «Посоветуйте, что мне делать, Григорий Нерсесович?» Он вывел ее из дома (кто знает, не запишут ли их разговор?). Вдвоем они долго ходили взад и вперед по бульвару, и учитель диктовал ученице завтрашнюю обличительную речь против него (избрав, понятно, самый мягкий вариант обличений). На другой день она в точности повторила сочиненный им текст. (Правда, ему это не очень помогло.) Ее театроведческая судьба в дальнейшем складывалась вполне благополучно. Не слышал, чтобы кто-нибудь поминал ей былое.

И снова скажу – не судите, да не судимы будете. Просто поставьте себя на место тех, на кого пал вышеупомянутый начальственный выбор в вышеописанных исторических обстоятельствах. Вы действительно уверены в том, что сказали бы гордое «нет» и громко хлопнули дверью?

К чести студентов-театроведов 1949 г. нужно сказать, что среди них находились те, кто смог пойти наперекор инстинкту самосохранения. Их было совсем немного, но они были – те, кто имел смелость отказаться выступать против учителей (пример – Инна Вишневская, поплатившаяся за смелость полуссылкой-полукомандировкой в Среднюю Азию). Другой и совершенно уникальнейший пример душевной доблести продемонстрировала молодая Нателла Тодрия. Ей было велено произнести на собрании обличительную

most intelligent and talented students came to his home, on Suvorovsky Boulevard. She told him that she was ordered to say up against him, so she asked Boyadzhiev: “Please, give an advice, what should I do, Grigory Nersesovich?” He took her out of the house (who knows if their conversation will be recorded?). Together they walked up and down the boulevard for a long time, and the teacher dictated to the student the tomorrow’s accusatory speech against him (having chosen, of course, the mildest version of exposing). The next day she repeated the text he had created. (In fact, it did not help him much). Her theatre path in the future developed quite well. I have not heard that anyone remembered her past.

I will repeat again: judge not, that you be not judged. Just put yourself in the position of those who were chosen by the mentioned authorities in the above historical circumstances. Are you sure you would say a proud no and slam the door loudly?

To the credit of the theatre students of 1949, it must be said that among them there were those who overcame the instinct of self-preservation. There were very few of them, but they were those who had the courage to refuse to speak out against teachers (for example, Inna Vishnevskaya, who paid for her courage with a half-exile, half-business trip to Central Asia). Another and completely unique example of soul valor was demonstrated by the young Natella Todria. She was ordered to make an accusatory speech about Boris Vladimirovich Alpers at

речь о Борисе Владимировиче Алперсе. По воспоминаниям свидетелей, она вышла на трибуну и произнесла пламенный монолог в защиту учителя. Устроители собрания и всей кампании были настолько ошеломлены ее невиданной дерзостью, что не решились применить к ней, казалось бы, неизбежные карательные меры. Возможно, они предположили, что за юной грузинкой стоит кто-то сильный и властный.

Повторяю – я поступил в ГИТИС, когда страшное время было позади. Восемь лет для стремительно меняющейся российской истории – огромный срок. В глазах первокурсника 1957 г. прогремевшая над ГИТИСом черная буря была событием далекого прошлого. Я тогда не сразу смог понять, отчего таким счастьем светились лица старших гитисовцев, слушавших на Ученом совете доклад Мокульского о гольдониевском конгрессе в Венеции, откуда он только что вернулся. Для всех уже то, что их учителя, выдающегося итальяниста, выпустили в Италию, в Венецию, о которой он много писал, но никогда там не был, доказывало, что наступили наконец другие времена.

Однако тяжкая память о 1949 г. не сразу исчезла, сперва она была, так сказать, вытеснена в подсознание институтской жизни, но со временем погрузилась в полное небытие. Нет нужды повторять, что всякое забвение чревато возможностью повторить прошлое. В истории такое не раз бывало.

Пусть поставленное студентами 2020 г. онлайн-представление трудно назвать непревзойденным

the meeting. According to the memories of witnesses, she went to the tribune and made a fiery monologue in defense of the teacher. The organizers of the meeting and the whole campaign were so stunned by her unprecedented insolence that they did not dare to apply inevitable, as it seemed, punitive measures against her. Perhaps they assumed that someone strong and domineering was behind the young Georgian woman.

I will repeat – I entered GITIS when the terrible time was over. Eight years is a long time for a rapidly changing Russian history. In the eyes of a freshman of 1957, the black storm that thundered over GITIS was something from the distant past. Then I was not immediately able to understand why the faces of the senior GITIS members shone with such happiness, when they listened to Mokulsky's report on the Goldony Congress in Venice at the Academic Council, from where he had just returned. An outstanding Italian culture scholar was released to Italy, to Venice, about which he wrote a lot, but had never been there. For everyone even that fact has proved that other times came finally.

However, the heavy memory of 1949 did not disappear immediately, at first it was, so to speak, pushed back into the subconscious of the institute's life. But over time it merged into complete oblivion. There is no need to repeat that the oblivion can lead to the possibility of the past repeating. History knows it. It has happened more than once.

The online performance presented by students of 2020th is hardly an unrivaled masterpiece. However,

шедевром. Главную свою миссию спектакль исполняет безупречно: он помогает нам, старым и молодым гитисовцам, избавиться от угрозы исторического беспамятства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спектакль «Космополиты» [По пьесе Е. Исаевой и О. Михайловой «Никогда – никому – ни о чем»] // Учебный театр ГИТИС: [Официальный YouTube-канал Учебного театра Российского института театрального искусства – ГИТИС]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7CdihFIJreY>.
2. Бояджиев Г. Н. Мольер: История пути формирования жанра высокой комедии: Автореф. дис. ... докт. искусствовед. М., 1958. – 36 с.
3. Бояджиев Г. Н. Мольер: Исторические пути формирования жанра высокой комедии. М.: Искусство, 1967. – 555 с.
4. Бояджиев Г. Н. От Софокла до Брехта за сорок театральных вечеров. М.: Просвещение, 1969. – 351 с.
5. Бояджиев Г. Н. Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения: Италия. Испания. Англия. Л.: Искусство, 1973. – 471 с.
6. Бояджиев Г. Н. Душа театра. М.: Молодая гвардия, 1974. – 366 с.
7. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. Под ред. А. Н. Яковлева. Сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. – 868 с.
8. Симонов К. М. Чужая тень: Драма в 4 д., 6 карт. М.; Л.: Искусство, 1949. – 159 с.
9. Михалков С. В. Илья Головин: Пьеса в 3 д., 4 карт.: Вариант МХАТ СССР им. М. Горького. М.; Л.: Искусство, 1950. – 100 с.
10. Галич А. А. Исаев К. Ф. Вас вызывает Таймыр // Галич А. А. Я вернусь...: киноповести, пьесы, автобиографическая повесть. М.: Искусство; Днепропетровск: Фирма «Самсон», 1993. – С. 187–250.
11. [Передовая] Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 января.

the performance follow its mission: it helps us, old and young GITIS members, to get rid of the threat of historical oblivion.

REFERENCES

1. *Spektakl' "Kosmopolity"* [Po pyese Ye. Isaeyevoyi O. Mikhaylovoy "Nikogda – ni komu – ni o chem"]. ["Cosmopolitans": Based on the play by E. Isaeva and O. Mikhailova "Never – to anyone – about anything"]. In: *Uchebnyj teatr GITIS: Ofitsialnyj YouTube-kanal Uchebnogo teatra Rossiyskogo institute teatral'nogo iskusstva – GITIS* [Educational Theatre GITIS: [Official YouTube channel of the Educational Theatre of the Russian Institute of Theatre Arts – GITIS]. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=7CdihFIJreY>.
2. Boyadzhiev G. N. *Moliere: Istoriya puti formirovaniya zhanra vysokoy komedii. Avtoreferat dis. Doktora iskusstvovedeniya / Akad. nauk SSSR. In-t istorii iskusstv* [Moliere: The history of the formation of the genre of high comedy. Abstract dis. Doctor of Art History / Acad. Sciences of the USSR. Institute of Art History]. Moscow, 1958. 36 p.
3. Boyadzhiev G. N. *Moliere: Istoricheskiye puti formirovaniya zhanra vysokoy komedii* [Moliere: Historical Ways of Formation of the Genre of High Comedy]. Moscow: *Iskusstvo PUBL.*, 1967. 555 p.
4. Boyadzhiev G. N. *Ot Sofokla do Brekhtha za sorok teatral'nykh vecherov* [From Sophocles to Brecht in forty theatrical evenings]. Moscow: *Prosveshcheniye Publ.*, 1969. 351 p.
5. Boyadzhiev G. N. *Vechno prekrasnyj teatr epokhi Vozrozhdeniya: Italiya. Ispaniya. Angliya* [Eternally beautiful theatre of the Renaissance: Italy. Spain. England]. Leningrad: *Iskusstvo Publ.* Leningr. otd-niye, 1973. 471 p.
6. Boyadzhiev G. N. *Dushateatra* [Soul of the theatre]. Moscow: *Molodaya gvardiya*, 1974. 366 p.
7. *Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty TSK RKP(b) – VKP(b), VCHK – OGPU – NKVD o kul'turnoy politike. 1917–1953. Pod red. A. N. Yakovleva. Cost. A. N. Artizov, O. V. Naumov* [Power and artistic intelligentsia.

12. [Передовая] До конца разгромить и разоблачить группу антипатриотических театральных критиков // Театр. 1949. № 1.

13. Залесский В. Клевета идеологического диверсанта Юзовского // Театр. 1949. № 1.

14. Сахновский В. Г. Режиссура и методика ее преподавания. М.; Л.: Искусство, 1939. – 236 с.

15. [Редакционная] Там, где орудовали идеалисты и космополиты (о воспитании театрального студенчества в ГИТИС) // Советское искусство. 1949. 19 февраля. С. 4.

16. Безродные космополиты в ГИТИСе // Вечерняя Москва. 1949. 18 февраля.

Documents of the Central Committee of the RCP(b) – VKP(b), VChK – OGPU – NKVD on cultural policy. 1917–1953. Ed. A. N. Yakovleva. Comp. A. N. Artizov, O. V. Naumov.]. Moscow: Mezhdunarodniy fond “Demokratiya”, 1999. 868 p.

8. Simonov K. M. *Chuzhaya ten': Drama v 4 d., 6 kart.* [Alien Shadow: Drama in 4 acts, 6 pictures]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo Pibl., 1949. 159 p.

9. Mikhalkov S. V. *Il'ya Golovin: P'yesa v 3-kh d., 4-kh kart.*: Variant MKHAT SSSR im. M. Gor'kogo [Ilya Golovin: A play in 3 acts, 4 pictures: Variant of the M. Gorky Moscow Art Theatre of the USSR]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo Pibl., 1950. 100 p.

10. Galich A. A. Isayev K. F. *Vas vyzyvayet Taymyr* [Taimyr is calling you]. In: Galich A. A. *Ya vernus'...: kinopovesti, p'yesy, avtobiograficheskaya povest'* [I'll be back...: film stories, plays, autobiographical novel]. Moscow: Iskusstvo Pibl.; Dnepropetrovsk: Firma “Samson”, 1993, pp. 187–250.

11. [Peredovaya] *Ob odnoy antipatrioticheskoy gruppe teatral'nykh kritikov* [Frontline] About one antipatriotic group of theatre critics]. *Pravda*, 1949, 28 yanvarya [Pravda, 1949, 28 January].

12. [Peredovaya] *Dokontsa razgromit' i razoblachit' grupp antipatrioticheskikh teatral'nykh kritikov* [Frontline] Completely crush and expose a group of anti-patriotic theatre critics]. In: *Teatr* [Theatre], 1949, no. 1.

13. Zaleskiy V. *Kleveta ideologicheskogo dиверсанта Yuzovskogo* [Slander of the ideological saboteur Yuzovsky]. In: *Teatr* [Theatre], 1949, no. 1.

14. Sakhnovskiy V. G. *Rezhissura i metodika yeye prepodavaniya* [Directing and teaching methods]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo Pibl., 1939. 236 p.

15. [Redaktsionnaya] *Tam, gde orudovali idealisty i kosmopolity (o vospitanii teatral'nogo studenchestva v GITIS)* [Editorial] Where Idealists and Cosmopolitans Operated (on the Education of Theatre Students at GITIS)]. In: *Sovetskoye iskusstvo*, 1949, 19 fevralya [Soviet Art, 1949, 19 February], p. 4.

16. *Bezrodnyye kosmopolity v GITISe* [Rootless cosmopolitans in GITIS]. In: *Vechernyaya Moskva*. 1949, 18 fevralya [Evening Moscow, 1949, 18 February].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бартошевич Алексей Вадимович – доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой истории зарубежного театра ГИТИСа.

E-mail: bartosh1939@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6254-997X

Бартошевич А. В. Год тысяча девятьсот сорок девятый. Помнить // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2020. № 3. С. 104 – 124.

DOI: 10.35852/2588-0144-2020-3-104-124

ABOUT THE AUTHOR

Alexey Bartoshevich – *Dr. habil in Arts, Professor, Head of the Department of History of the Foreign Theatre, Russian Institute of Theatre Arts (GITIS).*

E-mail: bartosh1939@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6254-997X

Bartoshevich A. V. Nineteen forty-nine. Remember. In: *Theatre. Fine Arts. Cinema. Music.* 2020, no. 3, pp. 104 – 124.

DOI: 10.35852/2588-0144-2020-3-104-124